

Far Cry. Прощение

Автор:

Урбан Уэйт

Far Cry. Прощение

Урбан Уэйт

Округ Хоуп, штат Монтана. Прибежище фанатиков культа Судного дня. Мэри Мэй Фэйргрейв, владелица местного бара, лишилась практически всего, что было ей дорого в жизни. Ее родители умерли при загадочных обстоятельствах, а брат исчез, привлеченный словами харизматичного лидера культа. Против умелого и опасного противника у Мэри Мэй практически нет шансов, но неожиданное вмешательство охотника Уильяма Бойда изменит все.

Урбан Уэйт

Far Cry. Прощение

Far Cry Absolution

URBAN WAITE

© 2018 Ubisoft Entertainment. All Rights Reserved. Far Cry, Ubisoft, and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or other countries.

* * *

Поклонникам, благодаря которым это стало реальностью

Пролог

Жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы.

Евангелие от Матфея 13: 39

Шериф вошел и устроился в кресле. Он снял шляпу, закинул ноги на стол и наградил девушку тяжелым взглядом:

– К чему все это?

– Ты знаешь к чему, – откликнулась Мэри Мэй. – И мне интересно, что ты с этим будешь делать?

Шериф поковырял ногтем поля шляпы, подцепил невидимую соринку и отшвырнул прочь. Когда-то он был наездником на быке. Мэри Мэй помнила его с детства. Па и ма брали ее с братом на родео. Там она видела этого человека. Тогда он был поджарым и молодым. Она стояла прямо на досках ограждения и смотрела, как он выезжает из ворот. Все кричали, пока он лишь каким-то чудом держался на беснующемся быке и грязь летела во все стороны из-под копыт. В тот момент он казался бесстрашным, выглядел настоящим героем. Совсем не то, что сейчас.

В итоге оставив шляпу в покое, шериф выпрямился и взглянул ей прямо в глаза:

– Дьявол тебя подери, Мэри Мэй, ты же прекрасно знаешь, что я ничего не могу сделать. Знаешь, что это был всего лишь несчастный случай. А если и нет, то все равно черта с два в моей власти хоть что-то.

– Несчастный случай? Па отправился туда за Дрю. Он сорок лет крутил баранку. Что свой грузовик, что рабочий – ни разу и царапинки не было. И ты мне

говоришь про несчастный случай?

– Я соболезную твоей потере, но ничего не поделать.

В глазах шерифа читалось искреннее сочувствие, и Мэри Мэй даже стало его жаль. Она знала, что он говорит правду.

– Думаешь, они и тебя так же подтолкнут? Так, что ты слетишь с обрыва?

– О чем это ты?

Но она лишь улыбнулась в ответ, обвела взглядом комнатушку, а затем уставилась на шляпу, так и лежащую на столе между ними. Девушке еще не было и тридцати, а она уже потеряла почти всех, кто был ей дорог. И ощущение было таким, будто все они ушли в одночасье. Ей остались лишь бар и ярость, постепенно зреющая в груди.

– Дрю все еще где-то там, – помолчав, проговорила она. – Я собираюсь забрать его. Или хотя бы рассказать, что па больше нет. Вот о чем я.

Оттолкнувшись ладонями от стола, она поднялась и нервно одернула край футболки поверх джинсов. На шее, под собранными в хвост русыми волосами чуть ниже плеч, неистово билась жилка, но у Мэри Мэй не было ни сил, ни желания успокаиваться.

Она почти дошла до двери, когда голос шерифа заставил ее остановиться:

– Я был там однажды. – Мэри Мэй сдавила ладонью дверную ручку и посмотрела на него через отражение в стекле; нанесенные буквы не мешали видеть, что мужчина тоже поднялся на ноги. – Меня пригласили... Пригласили попридурковаться на одной из служб.

Она медленно обернулась.

– Мне приходилось иметь дело с придурками, планирующими выжить после конца света или же сдохнуть во время него. – Шериф вышел из-за стола. – С семьями, живущими в холмах без воды или электричества. Только представь:

бабка с внуками ютилась на койке, пока мать с папашей заделывали очередного выродка. С оружейными психами. Бункерами и закрытыми зонами. Вольнодумцами, анархистами, нигилистами, демократами и одному богу известно кем еще. Но поверь на слово, я никогда не сталкивался ни с чем, подобным тому, что увидел во «Вратах Эдема». Та убежденность, та сила, которую они придают словам своего Отца, – это зараза, и она буквально заползает под кожу. Они веруют, понимаешь? Каждый из них. Не хотелось бы наговаривать или ставить под сомнение их убеждения, но, честно признаюсь, ничего более жуткого мне не встречалось. И ничего мне с этим не поделать, потому что, сама понимаешь, все совершенно законно.

– Долго репетировал? – только и спросила Мэри Мэй.

– Каждый вечер повторяю перед сном.

Девушка шагнула обратно к двери и открыла ее, бросив через плечо перед уходом:

– Там мой брат. И кроме него у меня никого не осталось.

Мэри Мэй была уже на полпути к горам, когда заметила белый церковный пикап в зеркале заднего вида. Следующие пять миль он неотступно двигался за ней. На каждом повороте, на каждом перекрестке она бросала взгляд на остающуюся позади дорогу, пустую до самого горизонта, и каждый раз машина преследователя вновь возникала в поле зрения. Можно было подумать, что ее красный «Форд» и белый пикап сцеплены невидимым тросом – настолько очевидным было преследование.

Еще милую спустя она съехала на обочину и заглушила мотор, а затем вытащила из бардачка старый хромированный отцовский револьвер и положила на приборную панель перед собой. Ей совсем некого было попросить о помощи... Во всем округе Хоуп не было ни одного человека, к которому можно было бы обратиться, так что она просто ждала, пока пикап вынырнет из-за ближайшего поворота.

Когда пикап затормозил рядом, Мэри Мэй узнала мужчину за рулем. Это был Иоанн Сид. Она знала его полжизни и почти все это время считала самым

обычным человеком и не более того. Но оказалось, что он представлял опасность и для нее, и для любого, кто рискнул бы встать у него на пути. Вместе с братом он управлял «Вратами Эдема», а потому, если кто и знал, что произошло с ее отцом или как найти ее брата, так это Иоанн Сид.

Глядя в зеркало, она наблюдала, как мужчина открыл дверь и вышел из машины. Он был лет на десять старше нее, выше среднего роста, с темными волосами и густой каштановой бородой. Она поймала его взгляд, прежде чем он вновь склонился к машине и вытащил что-то. Мэри Мэй подумалось, что это мог быть пистолет, но уверенности не было; потом он спрятал предмет под рубаху и не спеша направился к «Форду». Когда он приблизился, девушка приспустила боковое стекло.

- Боишься? - спросил Иоанн вместо приветствия.

- А стоит? - ответила она вопросом на вопрос, глядя ему прямо в глаза.

Он помолчал пару секунд, а потом вытащил руку из кармана и медленно провел пальцами по краю окна.

- У тебя есть лицензия на эту игрушку? - движением руки и легким кивком он указал на револьвер.

Мэри Мэй невольно проследила за его движением, а когда спохватилась, Иоанн уже отступил на шаг, как будто предполагая, что она может пустить оружие в ход. С легким удивлением она ответила:

- Это отцовский.

Он вновь помолчал, как будто прикидывая, что на это сказать.

- То, что с ним произошло, печально, - наконец проговорил он, и это прозвучало почти искренне.

- Он ехал сюда, чтобы забрать Дрю, когда это случилось.

- Вот, значит, как?

- Теперь я хочу увидеть брата и попросить его вернуться домой.

- Об этом мне тоже известно.

- Надо же.

- Конечно, - Иоанн медленно кивнул. - Мне многое рассказывают. Например, я слышал, что ты продолжаешь продавать алкоголь в своем баре, хотя мы просили тебя прекратить. И это лишь один из примеров.

Мэри Мэй посмотрела на собеседника как на идиота, хотя прекрасно знала, что он никак не глуп:

- А как мне держать бар без спиртного?

- Никак.

Это было сказано как нечто само собой разумеющееся, но Мэри Мэй прекрасно поняла, что кроется за этим словом. Впрочем, сейчас ее занимали более насущные вопросы:

- Вы знаете, где мой брат?

- Знаю. Он с нами.

- Он знает, что произошло с па?

- Знает.

- Вы отпустите его?

- Он волен уйти, когда пожелает. Я не тюремщик.

- Разве?

- Это все, что я могу тебе сказать.

Не глядя Мэри Мэй опустила руку, нащупала ключ зажигания и повернула его. Двигатель машины послушно заурчал. Девушка выпрямилась и устроила руки поверх руля. Блестящий револьвер по-прежнему лежал на приборной панели и едва слышно дребезжал от вибрации.

- Что ты собираешься делать?

- Забрать своего брата.

- Подумай, - медленно проговорил Иоанн. - Ты же умная девочка.

Это прозвучало так, будто он знал что-то, чего не знала она, и Мэри Мэй буквально возненавидела его в этот момент. Иоанн приблизился на шаг, и девушка подалась вперед, как будто уже была готова схватиться за револьвер.

- Не стоит усложнять. - Мужчина остановился. - Почему бы тебе не развернуться и не отправиться обратно в долину, пока не случилось непоправимое?

Вместо ответа Мэри Мэй надавила на газ, и машина послушно рванулась вперед по дороге. В зеркало заднего вида девушка увидела, как Иоанн вытащил то, что прежде прятал под рубашкой. Когда он поднял предмет к губам, девушка сообразила, что это рация. И вряд ли то, что он сейчас говорил, сулило что-то хорошее.

Добрая миля осталась позади, прежде чем Мэри Мэй переложила револьвер с панели на сиденье рядом с собой и прижала бедром, чтобы не свалился на очередном повороте. Дорога петляла и поднималась все выше в горы, и девушка постоянно всматривалась в зеркало заднего вида, уверенная, что Иоанн будет ее преследовать.

И вот за очередным поворотом она увидела перекресток, а на нем - два пикапа и четверых мужчин рядом с ними. Все были вооружены, но издали Мэри Мэй не могла разглядеть, винтовками или автоматами. Девушка резко нажала на тормоз и остановилась. Она вытащила револьвер и проверила барабан. Здравый смысл требовал развернуться и поехать прочь, но она прекрасно понимала, что в

этом случае подведет брата. Отступить сейчас значило предать его, предать все, предать всю семью, предать то, за что так ярко боролся отец.

Она включила заднюю передачу, обернулась, перекинув руку через спинку сиденья, и нажала на газ. Шины «Форда» послушно закрутились, и машина двинулась назад по дороге. Поднимаясь сюда, Мэри Мэй успела приметить небольшую проселочную дорогу, отходящую от основного пути, и теперь хотела добраться до нее, пока еще была возможность. Но стоило свернуть на повороте, как она заметила и пикап Иоанна.

Наверное, с ее отцом было то же самое. Мэри Мэй вспомнила, как они его нашли. Вывернутые колеса, разбитое лобовое стекло, огромный грузовик, покореженный и изуродованный. И ни одного свидетеля. Ни одной улики. Никакого намека на то, что случилось. Он был мертв, и она теперь шла по его следам отчаянно стремясь вернуть брата. Ей вспомнились слова Иоанна. То, что он сказал, то, что читалось между строк. Сомнений практически не осталось: смерть ее отца не была несчастным случаем.

Она и не подумала тормозить. До машины Иоанна оставалось совсем немного, когда она, наоборот, вдавила газ в пол, так что двигатель оглушительно взревел, и крутанула руль влево, стоило только заметить вождеденный съезд. «Форд» затрясло на гравии, и теперь она гнала вверх по склону, по-прежнему продолжая движение задом наперед. Шины скрипели, мелкие камушки барабанили по бокам и днищу, но одного беглого взгляда в лобовое стекло было достаточно, чтобы понять, что дела плохи. Иоанн следовал за ней сквозь облако пыли, а дальше по дороге два пикапа тоже снялись с места и бросились в погоню.

Стрелка спидометра перевалила за сорок миль в час, а Мэри Мэй так и продолжала двигаться задним ходом. На узкой дороге не стоило и думать о том, чтобы развернуться. Нога на педали, рука на спинке, взгляд на дороге – все сейчас зависело только от этого. Гравий закончился, и теперь под колесами простиралась обычная лесная грязь. Периодически машина попадала в яму, и тогда вверх взлетали комья земли и темной жижи, кляксами оседающей на стеклах. В эти моменты задняя часть «Форда» выглядела будто корма лодки, попавшей в бушующий шторм. Грязь постепенно облепляла машину, мешая видеть, что происходит.

В момент столкновения – с камнем ли, с упавшей ли веткой дерева – машина так и ехала с той же скоростью. Этого вполне хватило, чтобы потерять управление. Мэри Мэй нажала на тормоз и вывернула руль, что-то затрещало... машину подбросило в воздух, она тяжело ударилась об обочину дороги и отлетела в глубину леса.

I

Тот, кто поднимет руку на нас, кто попытается сломить нас, кто дерзнет отвергнуть нас в час нужды... Того рука будет отсечена столько же легко, сколь умелый фермер срезает сноп спелой пшеницы.

– Отец, «Врата Эдема» Округ Хоуп, Монтана

Неделей ранее...

Это был гризли. Огромный канадский гризли. Уилла Бойда разбудил раскат грома, и он вышел на крыльцо, чтобы посмотреть на разгулявшуюся непогоду. Царила ночь, и на севере силуэт скал темной громадой выделялся на фоне чуть более светлых облаков. Оттуда-то и шла гроза. Весь день ее приближение чувствовалось в воздухе, который с каждым часом становился плотнее и тяжелее. Но это ощущение исчезло ровно в тот миг, как хлынул дождь, а небо расколосось, будто лед на замерзшем озере.

В шести-семи милях в сторону предгорий уже стояла стена дождя. Со склона холма Уилл видел, как об нее бьется ветер. Вокруг простирался лес. Красные сосны перемежались канадскими елями, а в ложбинке между холмами у опушки то и дело вспыхивала молния, освещая поле тонконога.

За последние двенадцать лет Уилл бесчисленное число раз ходил через это поле. Он в мельчайших подробностях помнил, как оно выглядит весной, все усыпанное лиловыми колокольчиками и голубыми звездочками льна. Летом поле становилось золотисто-зеленым, а к осени – темно-коричневым. Наконец, зимой его засыпал снег, и по полгода поле выглядело как белоснежная пустыня. Уилл ходил через него и в лютый мороз, и под палящим солнцем – от домика, где ему

дозволили жить, до церковных земель, за которыми он должен был приглядывать. Иногда по пути можно было заметить лося или оленя. Порой мимо пролетал ястреб или же в небесах, широко раскинув крылья, парил орел.

Вот и сейчас Уилл стоял над своим полем, кутаясь в прихваченное из дома шерстяное одеяло, и просто наблюдал, как ветер гоняет потоки дождя между горными отрогами, будто играя льющейся с неба водой как чем-то цельным и осязаемым. Первый раскат грома стал причиной его пробуждения, и вот теперь он стоял здесь, глядя на далекие горы. Вновь сверкнула молния, а затем послышался рокот. Окружающие горы и холмы на миг окрасились белым и голубым. Уилл плотнее запахнул одеяло и сделал небольшой шаг вперед. Его словно влекла далекая вспышка. Молния вновь прорезала небо, меняя направление и разветвляясь. Теперь ее можно было увидеть, даже закрыв глаза, как будто электрический разряд отпечатался на самой сетчатке.

В этот момент Уилл заметил оленя. Это был молодой сильный самец, только начавший отращивать рога. Когда молния в очередной раз осветила поле, он был уже в его центре. Резкий яркий свет запечатлел сильное тело, подогнутые передние копыта и мощные задние ноги, вытянутые после толчка. Олень будто парил над травой. Но стоило свету погаснуть, как он исчез из поля зрения. Гром прокатился по небу тяжелым раскатом, а дождь стал ощутимо ближе. Подножье холма уже было не разглядеть за его пеленой.

Уилл вновь невольно сдвинулся вперед, пытаясь разглядеть оленя, и стоило отчаяться в этой затее, как тот показался сам, продолжая свой стремительный полет.

А затем Уилл увидел медведя – мощного гризли, настоящую гору мышц, которые бугрились под плотной бурой шкурой. Уши зверя были плотно прижаты к голове, и он несся через поле быстро и целеустремленно. Картина, открывшаяся при очередной вспышке молнии, была вполне достойна какого-нибудь музея – так грозен и огромен был зверь.

Но молния погасла, гром утих, а гризли остался на поле. До него долетели первые капли дождя, и медведь принюхался, повернув морду в сторону далеких деревьев и неуклонно приближающейся стихии. А еще мгновение спустя он поднялся на задние лапы и повернулся в сторону дождя. Уилл не мог поверить своим глазам. Зверь был огромен. Он напоминал о древних чудовищах, полулюдях-полумонстрах, что в давние времена властвовали на Земле.

Медведь продолжал стоять, будто дожидаясь, что ветер подгонит дождь прямо к нему, и стихия не стала его разочаровывать. Плотный поток воды одно за другим поглотил горы, предгорья, лес, а следом исчезло вообще все. Когда дошел черед до гризли, казалось, что его и не было вовсе. Уилл не сразу мог сдвинуться с места, наблюдая, как дождь теперь направляется к нему. Прошло совсем немного времени, а вокруг остались только вода, ветер и обломанные ветки. Ни поля, ни леса не было больше видно. Одежда начала жадно впитывать воду, и это заставило Уилла очнуться. Он быстро вернулся в домик и захлопнул за собой дверь.

Лишь час спустя, когда стук дождя по жестяной крыше немного утих, а стекла перестали звенеть от порывов ветра, Уилл вновь распахнул дверь и уставился в ночь. На небо вернулась Луна, и большие капли на длинных травинках отливали серебром. Вдали мерно мигали навигационные огни пролетающего самолета – как будто пришельца из какого-то другого мира.

Прошло три дня, прежде чем Уилл вновь наткнулся на следы гризли.

Первым признаком присутствия гризли стал след в грязи, который Уилл обнаружил у ручья в миле к востоку от своего дома. Он долго простоял рядом, рассматривая четкий отпечаток, а затем поднял взгляд и внимательно изучил заросли на противоположном берегу – густые, зеленые, практически непроницаемые.

Обычно он выходил к ручью ниже по течению у знакомой звериной тропы и там не видел ни одного признака присутствия медведя. В этом районе он расставлял ловушки, часть своего времени посвящая церкви, а часть – дикой природе. Три недели в месяц он проводил на охоте, а одну – во «Вратах Эдема». За минувшие с первого появления гризли три дня Уилл точно бы заметил хоть что-то: клочок шерсти, помет, следы когтей на земле или на коре сосен. Но ничего подобного не было.

В свои шестьдесят два года Уилл никогда не встречал медведя такого размера. Интересно, как его вообще занесло в долину? Впрочем, миграция животных не была чем-то необычным. Они во множестве снимались с насиженных мест, спасаясь от охотников или просто от людей, осваивающих долину. Уиллу приходилось забираться все дальше и дальше в поисках привычной дичи:

олений, лосей, индеек, бобров или кроликов.

Несмотря на возраст, Уилл был еще весьма силен. Ежедневные хождения вверх и вниз по холмам укрепляли его тело, и кожа на лице, не скрытая густой бородой или большими полями засаленной старой шляпы, была темной от загара. Сейчас он полностью погрузился в изучение местности. Цепкий взгляд обшаривал лес от высоких стволов до бурелома вдоль ручья. Ничего не заметив, Уилл вновь уставился на отпечаток в грязи. Подумав, он опустил на колени и приложил растопыренную пятерню к следу, второй рукой аккуратно придерживая старенький «Ремингтон».

Отпечаток был больше его руки минимум на дюйм во все стороны. Уилл прикинул, что это, должно быть, правая передняя лапа. На месте пальцев виднелись глубокие метки от когтей, уходящие в почву на пару дюймов.

Уилл вновь выпрямился и двинулся вдоль ручья в направлении, куда, вероятно, ушел зверь. Через примерно четверть мили он нашел бобровую дамбу. За ней упитанные зверьки плескались в запруде.

Примерно в центре пруда красовалась бобровая хатка. Прямо на глазах Уилла один из зверьков выскочил из воды и принялся лапами и зубами приспособливать очередную ветку к свежей дыре. Даже слепой заметил бы следы медвежьих когтей на старых бревнах.

Других следов гризли обнаружить не удалось. Уилл пошел дальше вдоль ручейка, сбегаящего с гор и успокаивающегося по мере того, как местность становилась более пологой. Здесь он расставлял силки на кроликов и, проверив их, обнаружил в трех из шести добычу.

Годы практики научили его сворачивать зверькам головы быстро и без лишней суеты. Его отец, а прежде его дед занимались тем же. Собрав добычу, Уилл вновь насторожил ловушки и вернулся с кроликами к ручью, где принялся свежевать их, промывая тушки в холодной воде, у своего любимого места, где большой плоский камень далеко выдавался в поток.

Уилл бесчисленное число раз купался здесь, стирал одежду и сушил ее на солнце, пока сам голышом плавал в импровизированном бассейне за камнем. Весной и летом загар покрывал его лицо и руки, но остальное тело оставалось молочно-

белым и как будто светилось в потоках талой горной воды. Выделялся лишь узел застарелых шрамов на груди, в том месте, где некогда была татуировка.

Сейчас же он опустил на колени около воды и принялся избавлять кроликов от внутренностей, пока не остался доволен результатом. В заводи течение было медленнее, и струйки крови расплывались в воде, будто клубы дыма, становясь практически незаметными к моменту, когда попадали в основной поток.

Подняв голову, Уилл увидел медведя. Гризли стоял на опушке и смотрел прямо на него тусклыми черными глазками. Мышцы бугрились на его плечах, мощные лапы упирались в берег, а словно обрубленная морда была повернута в сторону человека. Влажный кончик носа поблескивал, а за когти зацепились клочки травы. Уилл не шевелился. Его винтовка, старый добрый «Ремингтон-700», осталась в пяти футах, на камне вместе с силками, в то время как он сам стоял, сгорбившись, у воды, с тушками кроликов в одной руке и охотничьим ножом в другой.

Он видел, как медведь принюхался, прежде чем повернуться и пройти по берегу до того места, где ручей превращался в заводь. Уилл принялся медленно и осторожно отступать к своим вещам и винтовке. Медведь замер, а потом поднялся на задние лапы и оглушительно заревел, прежде чем подойти к воде. На счастье Уилла, их разделял ручей. Гризли попытался ступить в воду передней лапой, не почувствовал дна и вновь отступил. Его длинные когти нетерпеливо разрывали влажную почву берега. Только глубина заводи и нерешительность удерживали гризли на расстоянии.

Уиллу удалось добраться до вещей. Он перекинул сумку через плечо и поднял винтовку. Медведь оставался на месте, разве что стал принюхиваться чаще. Даже вид оружия его не испугал: гризли лишь зарычал и оскалил желтые клыки. С челюсти капала слюна, а пасть была такого размера, что Уилл не сомневался – зверюга мог без проблем откусить ему голову.

Не отводя взгляда от медведя, Уилл поднял оставшихся кроликов. Он вытер лезвие ножа об их шкуру, сунул клинок в ножны на поясе и вернулся к воде. Там он отделил одну тушку от остальных, размахнулся и швырнул ее через воду на другой берег, где она приземлилась в кустарник в паре футов от гризли.

К тому моменту, как медведь нашел подношение, Уилл уже отступил за камень и в кустарник, который обрамлял ручей с обеих сторон. Как только ветви сомкнулись за его спиной, он оглянулся, а затем прибавил шаг, как можно быстрее удаляясь от воды. Впрочем, лес наполнился только привычным журчанием воды. Даже пройдя еще сотню ярдов, постоянно оглядываясь, Уилл так и не услышал ничего нового. Около минуты он простоял на одном месте. Справа донесся крик большеголового сорокопута – птица сорхнула с ветки и полетела меж деревьями к прогалине.

Уилл проследовал за птицей и вскоре уже шел через траву, поминутно оглядываясь на оставшийся позади лес. И только добравшись до домика, уложив кроликов, сняв сумку с плеча и вновь внимательно оглядев территорию вплоть до гор на севере, он позволил себе расслабиться. Но лишь на минуту.

Взяв в руки «Ремингтон», он вновь осмотрел местность через прицел до дальнего края леса, где, как он знал, ручей продолжает свой бег еще около полумили. Ветер трепал верхушки деревьев и венчики тонконога на поле внизу, делая его похожим на огромное золотое озеро.

Даже опустив винтовку, он продолжил рассматривать лес, поле и далекие горы, а затем пробурчал себе под нос: «Если ты его не видишь, еще не значит, что его нет».

Уиллу вспомнился олень, которого он видел во время грозы. Вспомнилась бобровая хатка и огромная дыра в ней. Он знал, что именно ищет медведь. Знал, почему он сюда заявился.

Три часа спустя Уилл закончил свежевать кроликов, засолил мясо и убрал его в погреб. Небо темнело, на нем начали появляться первые звезды, а из-за деревьев поднялась убывающая луна. Поужинав, Уилл продолжил работу. Кроликов и другую дичь, которую удавалось добыть, он отдавал тем, кому было нужнее, тем, на кого он работал, тем, кто подарил ему цель в жизни, когда все остальное рухнуло.

Шкурами он торговал, основную прибыль отдавая в пользу церкви, но кое-что оставлял себе на покупку силков, патронов для винтовки, масла, муки и всего того, что не мог дать ему лес. Он всегда был необыкновенно аккуратен, знал

каждый предмет в своем домике и погребе и точно понимал, зачем то или иное ему нужно. Помимо прочего, все на крайний случай было тщательно переписано.

Маленький лагерь и дом, смотрителем которого он стал в первые годы во «Вратах Эдема», легко было окинуть взглядом. В небольшом костре, на котором он недавно готовил себе ужин, до сих пор тлели угли. Ночь окончательно вступила в свои права, и Уилл подошел к костру, чтобы разворошить серый пепел и подбросить свежих веток.

Около часа он просидел рядом с костром, думая о медведе. О том, насколько легко тот мог его сегодня убить.

Два дня спустя, возвращаясь с охоты, Уилл обратил внимание на белый пикап. Вылазка была успешной, и сейчас охотник тащил за собой самодельные волокуши, на которых лежала туша оленя. Потроша ее, уже пришлось изрядно попотеть. К счастью, хотя бы после того, как Уилл соорудил волокуши, связав два тонких ствола осины ветками и прочной бечевкой, транспортировка стала заметно легче. И все равно протащить убитое животное почти две мили было делом непростым.

Уилл остановился и пригляделся к пикапу, а потом внимательно осмотрел прогалину, на которой стоял его дом. Ничего не изменилось, и следов водителя тоже не было видно. Крякнув от усилия, мужчина преодолел последние шаги и опустил свою ношу около остывшего кострища. Рога лежащего на земле оленя напоминали терновый венец, а остекленевшие черные глаза как будто продолжали смотреть на убийцу. Уилл замешкался, не решив, приступить ли сразу к свежеванию или поискать владельца пикапа.

Правда, он успел только снять с плеча винтовку и опустить ее на землю, как из погреба с кроликами наперевес появился Лонни. Неожиданный гость подошел к пикапу, закинул мясо в холодильник и лишь после этого обратил внимание на Уилла.

– Похоже, ты тут времени зря не терял. – Он выразительно глянул на холодильник, а затем направился к охотнику.

На голове Лонни красовалась бейсболка. Он был так же бородат, как и все прочие в церкви. Из-под коротких рукавов футболки по плечам и предплечьям вились две татуированные змеи, чьи головы украшали тыльные стороны его кистей.

– Я ждал тебя завтра. – Уилл будто невзначай окинул взглядом прогалину, прикидывая, приехал Лонни один или нет.

– Кое-что случилось.

– И что именно?

– Кое-что, что заставило меня вспомнить о тебе.

Лонни криво усмехнулся и подошел ближе.

– Небольшая работа, которую ты можешь для нас выполнить.

– Меня устраивает моя нынешняя работа.

Лонни резко изменил направление и остановился так, чтобы видеть тушу оленя. Он со свистом втянул воздух, а потом прицокнул языком:

– Хорош.

– Будет около 75 фунтов чистого мяса, когда я его освежую и вытащу кости.

– Голову сохранишь?

– Планировал сделать чучело.

Лонни вновь пристально посмотрел на него, медленно облизнул верхнюю губу, а потом скривился, очевидно, выковыривая что-то из зубов:

– Это может стать отличным подарком Иоанну или Отцу.

– Я убил его выстрелом в сердце. Мясо должно быть хорошим. Его нужно лишь поднять на крюк и обработать.

– Неплохо у тебя тут все устроено. – Он усмехнулся. – Не думай только, что мы об этом забыли.

Уилл наградил Лонни тяжелым взглядом. Гость был с ним почти одного роста, около шести футов, только более худощавый. Его обвитые татуировками руки походили на переплетение мышц и сухожилий. Уилл слышал, что Лонни хорош в драке, хотя сам ни разу не был этому свидетелем. Поговаривали, что он умеет бить столь же стремительно, как гремучая змея – жалить.

– Мне нужно минут двадцать на то, чтобы ободрать шкуру, а затем еще около часа на разделку. Будешь ждать?

– Просто обдери его и хватит. Во «Вратах Эдема» досталь тех, кто сможет сделать остальное. И голову сохрани.

Уилл достал флягу и прошел в дом. Опустив емкость в баклагу с водой, он подождал пока все пузырьки воздуха вырвутся на поверхность, потом напился и вновь наполнил флягу под завязку. Когда он вернулся к оленю и Лонни, тот разглядывал винтовку.

– Какой калибр?

– 308.

– Из нее можно убить гризли?

Уилл сделал вид, что не услышал вопроса. Ему совсем не нравилось то, как поворачивался разговор. Лонни вытащил кисет и принялся сворачивать сигарку из табака и папиросной бумаги.

– У нас появилась проблема. И, я думаю, именно тебе под силу ее решить. – Закончив, он сунул самокрутку в зубы. – Хочешь?

Уилл отрицательно мотнул головой, подошел к туше и принялся распутывать бечевку, которой та была связана. Он услышал, как щелкнула зажигалка, а затем потянуло дымом. К тому времени, как он закончил со шнуром и вытянул его из-под оленя, запах был уже повсюду.

- Ты знаешь Кершо?

- Знаю. Они живут в двадцати милях отсюда. - Уилл опустился на колени, вытащил из-за пояса нож и сделал небольшие надрезы на каждой ноге оленя, перерубая сухожилия. После этого он взял крюк и поднял тушу, устраивая ее на распорке перед собой. - Они так и разводят коров?

- Ты бы знал ответ на этот вопрос, если бы был на воскресной проповеди. Ты так редко посещаешь нас. Должно быть, думаешь, что никто не замечает твое отсутствие. Но я замечаю. И видимо, именно мне стоит сообщить тебе, что церковь кое-что пересмотрела за последние недели.

- Пересмотрела?

- Усовершенствовала. - Лонни затаился, отошел в сторону, разглядывая поле внизу, а затем вернулся на прежнее место. - Я хочу, чтобы ты нашел и убил гризли, который вчера задрал корову.

Уилл прекратил сдирать шкуру с оленя и посмотрел в упор на Лонни:

- Ты просишь, чтобы я пошел против закона.

- А разве ты уже этим не занимаешься? Думаешь, если мы определили тебя на церковные земли, это дает тебе право привередничать?

Уиллу не нравилось, когда с ним так говорили, но в сказанном была и доля правды. Быть может, он слишком привык к хорошей жизни. В любом случае, проблемы с Лонни не были ему нужны.

- Ты что-то задумал?

- И поэтому я здесь.

- Гризли – падальщики, – принялся объяснять охотник. – Они быстро приспособляются. Нельзя предсказать их действия. Нельзя их предусмотреть. Они могут охотиться и убивать даже собственный молодец, если появляется такая необходимость. Они готовы выживать любой ценой. Медведь, которого ты просишь убить, вероятно, просто шел мимо. Он увидел корову, и все. Сейчас он уже может быть очень далеко отсюда.

- А если нет?

- Нас могут посадить за это. Ты же понимаешь?

- То, что происходит на наших землях, касается только нас.

Уилл прикусил щеку. Окровавленный нож замер в его руке, и он обвел взглядом прогалину, на которой стоял дом. Ситуация складывалась безвыходная.

- Когда я был во Вьетнаме, около нашего лагеря объявился тигр. Он охотился на людей и убивал их. Мы все испробовали, чтобы избавиться от него. Но он всегда возвращался. Слово призрак. Его никто не видел. Мы видели следы, видели пятна крови, но никогда – самого зверя.

- Но ты убил его?

- Нет, – мотнул головой Уилл. – Как можно убить того, кого не видишь?

Лонни докурил и швырнул бычок в кострище:

- Хочешь сказать, это какой-то волшебный медведь? Кара Господня или типа того? Отцу бы такое понравилось. Прямо по Писанию.

- Нет, – отрицательно мотнул головой Уилл. – Я хочу сказать, что ни черта не знаю. И что не могу помочь тебе.

- Вот знаешь, Уилл, это совсем не то, что я хотел бы от тебя услышать. – Лонни вытащил небольшую флягу, взболтал содержимое, а затем сделал глоток, все это время ни на секунду не отводя взгляда от охотника. – Хочешь глоточек для

храбрости?

– Нет.

Лонни вновь приложился к фляге, а затем присел на одно из бревен около кострища.

– Твоя жизнь может стать намного хуже. Ты слишком много времени проводишь здесь и не видел того, что видел я. Ты не представляешь, что они заставляют нас делать.

– Отец отправил меня сюда.

– Отец решил, что время пришло.

– Это так?

– Он сказал искать знамения. Сказал, что они ясны как божий день. Скверна идет с востока. Ее след тянется по всей стране. Она все ближе. Вот ты передо мной, Уилл, и я вижу, что ты не веруешь так, как веруют те, кто приходит к нам сейчас. Но это изменится. Ты будешь с нами и тоже будешь спасен.

– Смотрю, у тебя запас веры всегда с собой. – Уилл выразительно покосился на флягу в руке Лонни.

– От старых привычек нелегко избавиться.

– Воистину так.

Лонни сделал еще один глоток и задумчиво повернулся в сторону гор. Рой мелких насекомых танцевал в лучах заходящего солнца.

– Что случилось с тигром? – вдруг спросил он.

– Власти в итоге обратились к местным жителям. Те предложили вырыть яму. Враг использовал такие против нас. Жуткая мясорубка. Может, слышал о таких?

Яма, в ней острые колья, сверху сетка из веток и маскировка. Дальше дело за силой тяжести. – Уилл вернулся к работе и вспорол шкуру до передних ног, а потом принялся отделять ее ножом от мышц.

– Так вы и разделались с тигром?

– Нет. Он затаился. Задирал не больше одного человека за раз. Он скрывался в джунглях, наблюдал за нами и точно знал, как и когда мы хотим его убить. У нас не было шансов.

– Вот же дерьмо, – Лонни вновь выпил из фляги, – так какого хрена ты мне все это рассказываешь?

– Чтобы ты понял: не всегда можно получить то, что хочешь.

– Я тебе тем же могу ответить. – Лонни хмыкнул, глянул на тушу и поднялся. – Давай же, забрасывай уже тушу в кузов. У меня еще полно дел, прежде чем я попаду к Кершо.

– Тебе его не поймать, – в последний раз предупредил Уилл.

– Ага, но я сделаю все, что я, черт подери, могу. И ты мне поможешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/ueyt_urban/far-cry-proschenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)